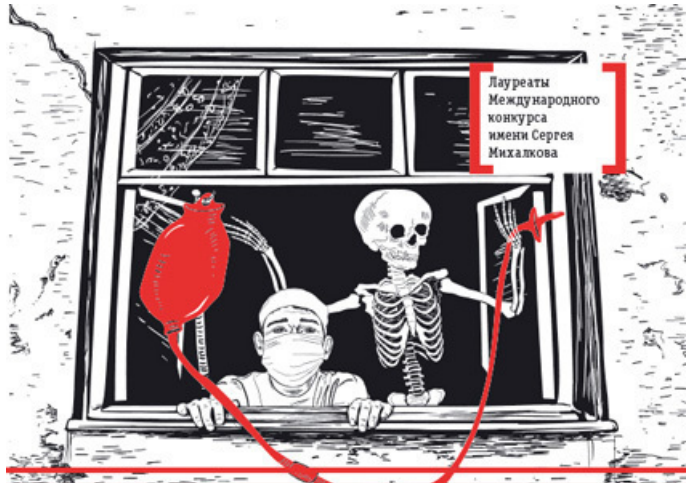

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Нина Орлова-Маркграф
**Хочешь жить,
Викентий?**

Нина Густавовна Орлова-Маркграф

Хочешь жить, Викентий?

Серия «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25102692

*Орлова-Маркграф Н. Г. Хочешь жить, Викентий? : из записок юного практиканта-медика: Дет. лит.; Москва; 2017
ISBN 978-5-08-005659-8*

Аннотация

С чем только не приходится сталкиваться на практике в больнице Сане Грибову и его друзьям, учащимся медицинского училища! Кажется, что вся человеческая жизнь, от рождения до смерти, во всех ее драматических и трагикомических проявлениях проходит перед их глазами...

Чем для героев книги станет их будущая профессия – призванием и служением или только средством к существованию, холодным и бесстрастным оказанием «медицинских услуг»?

Этот выбор юные медики делают уже сейчас, постигая азы профессии.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	6
Хочешь жить, Викентий?	9
Клятва Гиппократа	10
I	10
II	20
Накось выкуси!	32
I	32
II	43
III	58
Игла хорошего поведения	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Нина Орлова-Маркграф
Хочешь жить, Викентий?**

*Из записок юного
практиканта-медика*

© Орлова-Маркграф Н. Г., 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Спиренкова Н. И., иллюстрации, 2017

© Макет. АО «Издательство «Детская литература»,
2017

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

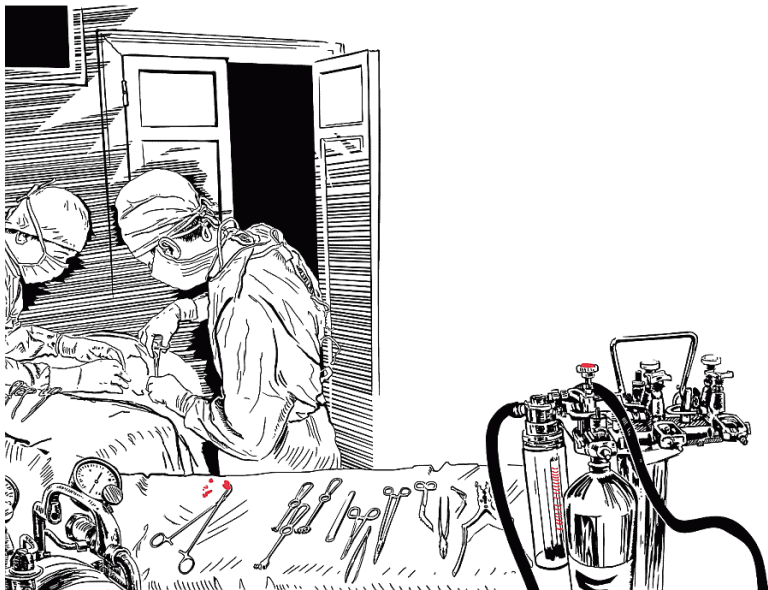
В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

Хочешь жить, Викентий?

Из записок юного практиканта-медика

Клятва Гиппократа

I

Помню, как в детстве мы с Борькой (Борис Горбылевский – мой лучший друг) искали золото. Ну, это еще когда совсем пацанами были. Одно лето полностью проторчали в овраге, которым заканчивалась наша улочка. Ручей вытекал из-под почти отвесной стены оврага, пересекая все его дно. Мы скачивались с нее вниз на скоростях: больше никак нельзя было спуститься. Пораненные камнями, покорябанные корнями и ветками колючего кустарника, принимались мы за работу и в поисках золотой жилы промыли, наверно, тонну песка.

Потом, став постарше, мы решили стать капитанами, ходить в кругосветку, лишь иногда приезжая в наш городок в

капитанской форме. Нам было уже по девять лет, и мы перебазировались на Волгу, вернее, на залив, где, как по заказу, недалеко от берега стояла большая, практически целехонь-кая баржа.

На берегу, в воде и на барже прошли лучшие годы нашего детства. От них остались воспоминания и бортовой журнал двух капитанов – Александра Грибова и Бориса Горбылевского.

А когда мы стали взрослыми (это случилось в прошлом году и совершенно для меня внезапно), то поступили в медучилище – учиться на зубных техников. У Борьки и отец зубной техник. «Хорошая профессия, не бедственная, и ехать никуда не надо, по общежитиям мыкаться, будешь учиться здесь, на глазах», – сказал он Борьке. И Борька не возражал, а мне ж куда без друга, вот и поступили вместе.

Почти два года мы с Борей посещаем училище, до конца еще столько же веселеньких дней, заполненных изучением муляжей и костей, походами на операции, в зубной кабинет и морг.

Иногда на меня нападает отчаяние.

– Боря! – говорю я горестно. – Боря, ёж-колобок! Мы же мечтали быть золотоискателями, капитанами, найти свое Эльдorado, а будем зубными техниками... Рвем отсюда когти, пока не поздно!

Но Боря никогда не меняет своих решений: он не знает сомнений. Он смотрит решительно и деловито, он знает все

на десять лет вперед, с ним все кажется простым и ясным, как дважды два, он – вот такой мужик! И я успокаиваюсь и опять согласен таскаться за компанию с ним в это – пропади оно пропадом! – училище, раз уж ему загорелось стать зубником.

– Наше золото от нас не уйдет, – каждый раз утешает он меня, расставляя на доске старенькие шахматы или, как сегодня, когда мы сидим у меня и готовимся к завтрашнему зачету, делая крепкими, плечистыми буквами краткие выписки из учебника. – Только мы не будем такими дураками, как были в детстве. Помнишь, как песок в ручье промывали?

Мы дружно смеемся.

– Слушай, Шурик, – говорит Боря, переписывая из учебника таблицу состава крови, – ты все еще влюблен в Люду Потёмкину?

– Нужна она мне! – пожимаю плечами я. – А ты?

– Пожалуй... – задумчиво отвечает Боря. – Ты знаешь, у нее, оказывается, семья такая интересная: мама глазник, а отец заведует урологией.

– У тебя что, камни в почках или бельмо на глазу, что тебе это интересно?

– Да нет, Шурик, я здоров... – вздыхает Боря, захлопывая учебник. – Я завтра ее в кино собираюсь пригласить...

– Хоть сто раз! – отмахиваюсь я. – Подумать только, что из-за этой цацы мы с тобой чуть врагами не сделались!

– Ну, я пошел, – говорит он и исчезает за дверью.

На следующее занудное мартовское утро я опаздываю на занятия. Бегу бегом мимо бани, базара, зеленой от пят до маковки церквушки на улице Буденного, пролезаю через заборную дыру в Парк Культуры и вижу впереди, на аллее, сердитую фигуру Бори.

– Горбыль, подожди! – кричу я.

Но Боря не останавливается: он терпеть не может опаздывать. Я догоняю его только у нашего первого корпуса.

– Ты что, тормоза дома забыл? – сердито спрашиваю я. – Остановиться не можешь?

– А ты зубником или пожарником собираешься стать? – тоже сердится он. – Анна Ивановна, второй звонок был?

– Был, был! – шумит вахтерша. – Бегите скорей!

Первая лекция – анатомия.

– Здравствуйте, детоньки! – не глядя, приветствует нас анатомичка Валерия Дмитриевна, направляясь к кафедре, прямая и торжественная, как Александрийский столп. – Сядьте прямо, закройте учебники: перед смертью не надышишься. Снимите со скелета шляпу и пиджак. Мне эта шутка кажется слегка устаревшей. Еще в 1946 году Коля Семянников надел на него солдатскую шинель и гимнастерку. (Коля Семянников – это Николай Владимирович Семянников, самый знаменитый хирург в нашем городе.) Дежурные, потрудитесь, – кивает она в сторону притаившегося в углу, у стенгазеты «Медик», скелета.

Я (мы с Борей как раз дежурные) раздеваю скелет, выни-

маю из его решительно сжатых зубов сигарету и сажусь на место.

– Та-ак... – миролюбиво обращается к нам анатомичка. – А теперь приступим к новой теме. Сегодня, а также и на следующей лекции мы будем изучать кости черепа...

– А когда же зачет будем сдавать? – интересуется кто-то из аудитории. – Вы же говорили, что зачет сегодня...

– Зачет будете сдавать после занятий, – бесстрастно объявляет Валерия Дмитриевна. – Итак, детоньки, кости человеческого черепа, как известно...

Тут, взяв указку, она поворачивается к доске, затем обводит глазами голый, пустой стол и останавливает взгляд на нас с Борей.

– Дежурные, где пособия? – стараясь быть спокойной и покрываясь от этого пятнами, спрашивает она.

Наступает глубокая тишина. Валерия Дмитриевна садится, и все мы затаенно молчим целую минуту.

– Ну что ж, – как бы преодолевая себя, шепчет Валерия Дмитриевна, – будем заниматься без пособий...

Бедная анатомичка! Все знают, какой для нее удар – рассказывать вслепую. Рассказывать, не поглаживая при этом косточку, о которой она повествует, не совершая увлекательнейшего путешествия по ее впадинам и бугоркам с простоватыми русскими и длинными, чеканными названиями латыни.

– Валерия Дмитриевна, – начинаю я свою повторяющуюся

от дежурства к дежурству песню, – можно мы сейчас за ними сбегает?

– Вале-ерия Дмитриевна-а-а... Ну пожалуйста-а-а... – бубнит вся группа. – Мы так не запомним!

– Хорошо! – соглашается Валерия Дмитриевна. – А пока дежурные будут ходить, я вас поспрашиваю.

Тридцать три девчоночьих вздоха провожают нас до дверей.

Лаборатория – узкая темная комната с треугольным потолком – находится во втором корпусе, через дорогу. В одних халатах (наша форма, наш мундир!) мы перебегаем улицу.

– Как ты думаешь, – спрашиваю я Борю, – нижнюю челюсть брать? – и откладываю в сторону все, что, по моему мнению, есть кости черепа.

– Да вот же наш ящик! – торопится Боря. – Лаборантка сама всё отложила...

Мы мчимся обратно, смущая зрение прохожих вызывающе яркими изображениями черепов на таблицах, а слух – выразительным стуком височных костей о затылочную, затылочной – о лобную и так далее...

Еще на лестнице мы слышим громкий смех, доносящийся из нашей аудитории.

– Наверно, Зиночка отвечает, – предполагаю я.

– Та-ак... – говорит Валерия Дмитриевна Зиночке, не обращая внимания на нашу возню (я развешиваю таблицы, Бо-

ря выгребает кости из ящика). – И все же, детонька, вы не ответили на мой вопрос: как правильно транспортировать тяжелобольного?

Зиночка, вконец запутанная этим коварным вопросом, смотрит прекрасными серыми глазами на свою мучительницу.

– Ну... Их кладут на носилки... – медленно вспоминает она.

– Допустим, – ласково поддерживает ее Валерия Дмитриевна.

– И... выносят...

– Вперед ногами, – подсказывает кто-то из девчонок.

– Вперед ногами! – уверенно заканчивает Зиночка.

Девчонки хохочут как сумасшедшие, мы с Борей тоже в полном восторге – ох уж эта Зиночка! Одна Валерия Дмитриевна остается невозмутимой.

– Садитесь, детонька, – говорит она красной от горя и стыда Зиночке. – Если вы и далее будете так учить, вам ничего другого и не придется делать.

Зиночка отправляется на место. В это время с улицы доносится похоронный марш. Эту душещипательную мелодию нам приходится слушать довольно часто. Дело в том, что медучилище располагается недалеко от кладбища, как раз по пути к нему.

– Зиночка, это не твоего больного везут? – участливо спрашивает Люда Потёмкина (в недавнем и позорном про-

шлом наша с Борей общая любовь).

Все снова радостно хохочут.

– Думаю, шутки тут неуместны, – сурово перебивает нас анатомичка. – Итак, новый материал...

Наконец-то можно вздохнуть спокойно!

Пока Боря конспектирует кости черепа, я думаю о том, зачем я сижу здесь. Ведь мне глубоко безразличны кости черепа. И все остальные – тоже. Мне скучно и противно смотреть на человека с этой стороны. Потому что человек – это вовсе не кости, не система кровообращения, не железы внутренней секреции, а... Ну не знаю... Душа, что ли? Я люблю бродить по улицам и заглядывать прохожим в глаза... Боря говорит, это потому, что у меня затянувшееся детство, а человек должен заниматься серьезным делом, не тратя время на глупости. Я верю Боре: он умный и все знает. Поэтому я готов заглядывать людям не в глаза, а в рот. Но сижу на лекции и не слушаю. Множество мыслей, смешных, глупых, грустных, тихих, странных, бесшумно мелькает у меня в голове. Кажется, что они, как солнечные блики, делаются из света...

В апреле наша группа пошла на практику. Мы должны были пройти четыре отделения: терапию, кардиологию, детское отделение – и затем попасть на весь июнь в нашу святая святых – зубной кабинет.

Но я добрал только до кардиологии.

Когда мы с Евдокией Петровной, процедурной сестрой, начинали делать уколы, ко мне устанавливалась целая очередь. Больные считали, что у меня легкая рука. Я колю так, что они улыбаются. Мне думается, что если бы я этих сердечников колол по утрам спящими, они бы так и продолжали спать до самого обхода, даже не вздрогнув. А как я ставлю банки! С этими банками меня вообще заколебали: только подхожу утром к посту, а кто-нибудь из больных уже начинает клянчить:

– Санечка, поставишь вечером банки?

Руки у меня оказались способные, только меня эти успехи не греют: медицина ведь мне до лампочки, а клятва Гиппократом кажется самым натуральным выпендрежем: «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигией и Панацеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно...» – ну и так далее, такая же мура!

Я просто думаю: какой толк от того, что Евдокия Петровна страсть как влюблена в свое дело, если вот уже двадцать лет у больных от ее уколов в глазах чертики пляшут?

Однажды утром я сидел за сестринским столом и разбирал кучу бумажек – вчерашние анализы, которые только что принесли из лаборатории. Их нужно было подклеить к историям болезни до утреннего обхода.

– Привет, медбратик! – услышал я за спиной звонкий насмешливый голос и, обернувшись, увидел девочку лет пятнадцати.

У нее были каштаново-лиловые волосы, схваченные огромным бантом на макушке, и то ли из-за банта, то ли оттого, что утро было летнее, ясное, глаза ее казались очень синими и большими, будто на портрете. Только они были живые. Девочка была необыкновенно тоненькая, а кожа у нее – прозрачно-золотистого цвета, который был скорее свет, чем цвет. Невозможно было представить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь дергал ее за косы, бросал в нее снежками, ставил ей двойки... Как к ней прикоснуться?.. И такими ненужными, неправдоподобными, далекими показались вдруг лекции Валерии Дмитриевны: кости черепа, грудная клетка, кости таза...

– Или вас лучше называть сестричкой? – весело спросила она, встав рядом со мной.

Я удивился ее обыкновенному, «человечьему» голосу и ответил, притворяясь, будто принял ее за обыкновенную девочку:

– Называйте меня Саня – меня здесь все так зовут.

– А меня все зовут здесь Любочкой! – засмеялась она и заговорщически прошептала: – Посмотрите, пожалуйста, мой анализ крови...

– Нет, Марья Ивановна будет ругаться, – сказал я.

Мне не хотелось, чтоб она уходила. Может быть, начнет меня уговаривать?

– Марья Ивановна в приемном покое, я сама видела, как она туда спускалась.

– Все равно нельзя, – ответил я.

– Ну пожалуйста! – сказала она.

– Как фамилия?... – вздохнул я, строя из себя великомученика в белом халате.

Норму – чего в крови сколько – Валерия Дмитриевна заставила нас вызубрить назубок, так что в анализах я, можно сказать, разобрался.

Я нашел бумажку с фамилией девочки. Хуже не придумаешь! Чёрт знает сколько лейкоцитов, повышенное СОЭ, уменьшенный гемоглобин... Но не зря же прямо передо мной два года висел плакат: «Наша медицина – самая гуманная».

– У-у-у! – ухмыльнулся я, вкладывая бланк с результатом анализа в историю болезни. – Не кровь, а шампанское! С такой кровью вы обречены на вечную жизнь, Любочка!

– Да? – засмеялась она.

Я вдруг ощутил внутри горячее сияние нежности, восторга и желание немедленно засмеяться вместе с ней и запомнил это, испуганно и удивленно чувствуя возникновение странной, сумасшедшей, беспричинной радости и интереса к жизни...

II

– Ты впервые целуешься? – спросила она.

– Да, а ты?

– И я.

На самом деле я уже целовался. Но тогда это было совсем другое, это не считается... Да, не считается!

– Тебя не будут ругать, что я здесь?

– Не знаю. Мне все равно, – шепчу я.

Мы сидим в процедурной, среди кипящих и шипящих в темноте стерилизаторов со шприцами и системами для переливания крови.

– Одна из них – для тебя, – говорю я, открывая крышку большого стерилизатора. – Завтра тебе будут переливать кровь.

– Ой, я боюсь!.. – шепчет Любочка. – У меня же вен нет.

– Ерунда. Валентина Георгиевна будет переливать. Если надо, она и у шкафа вены найдет.

Любочка смеется, и я смеюсь вместе с ней. Я едва вижу ее лицо. В процедурной темно. У меня ночное дежурство. Марья Ивановна, в паре с которой я дежурю, ушла поболтать в приемный покой, и мы с Любочкой впервые вдвоем ночью.

Прошло две недели с того дня, как я увидел ее и полюбил. История ее болезни стала теперь для меня единственным чтением, достойным интереса. Электрокардиограммы, цифры артериального давления, поделенные тревожной вертикальной чертой, анализы крови на всевозможные реакции, мрачные закорючки консультирующих врачей, ординаторов, профессоров по сто раз на дню меняли бой моего сердца, мое давление. Я со страхом вслушивался в разговоры всей этой

«похоронной команды», как я злобно называл целую стаю врачей, каждое утро выпархивающую из Любочкиной палаты. Никто из них не надеялся – глупо было бы сказать – на ее выздоровление, но хотя бы – на улучшение... А профессор Петрушевский из института кардиологии даже называл точный срок – два с половиной месяца.

«Тоже мне, Господь Бог! – бесился я в одиночестве. – Предсказатель! Самому-то тебе сколько осталось, старый комод?! Целый лист назначений! – сходил я с ума, проглядывая историю болезни. – А диагноз так и не выяснен!...»

– Санечка, а я не верила, что на свете есть любовь... – шепчет Любочка, положив голову мне на плечо.

– Как же нет, – бормочу я, целуя ее глаза, – когда тебя и зовут Любовь... Можно я потрогаю твои волосы? Они у тебя такие... сказочные...

В это время в коридоре раздаются торопливые шаги.

– Есть тут кто? – слышу я голос шефа, который дежурит с нами этой ночью.

– Есть, – рванулся я к двери.

Но он уже успел включить свет.

– Что здесь делает больная? – Он хмуро смотрит на Любочку. – Ладно, об этом потом. В первой палате плохо больному Голикову, со стенокардией. Сделайте эуфиллин и дайте кислород.

«Кислород-то зачем?» – думаю я.

Набираю в шприц эуфиллин и бегу в первую палату.

– Сейчас вам станет лучше, – говорю я Голикову, вынув иглу из вены.

– Я знаю, – улыбается он белыми губами на синюшном лице, тяжело дыша. – Не в первый раз... Уколычики-то где учился ставить?

– У меня просто рука легкая, – улыбаюсь я. – Сейчас кислород принесу.

– Бог с ним, с кислородом, не надо. Уже прошло. Теперь буду спать, как Илья Муромец...

– Я минут через десять зайду, посмотрю, – говорю я. –

Спокойной ночи.

Я прошел по палатам – все было тихо. Вернулся в первую – Голиков действительно спал. Хороший мужик. Сердечники вообще редко бывают занудами.

Любочка по-прежнему сидела на кушетке и рассматривала тетрадь назначений.

– Саша, мне укол вычеркнут, а Евдокия Петровна утром делала... Почему?

– Потому что тебе его отменили уже после обеда, – на ходу придумываю я.

Шею бы сломать этой Евдокии! Ведь еще вчера отменили!

Я хотел отослать Любу спать, но вместо этого снова уселся рядом с ней, и теперь мы целовались уже при свете, пока на лестнице не послышались шаги Марьи Ивановны, возвращающейся из приемного покоя.

– До утра, – сказал я.

– Что это она тут делала? – поинтересовалась Марья Ивановна, выключая стерилизатор.

– Снотворного просила – уснуть не может, – соврал я.

Утром, на пятиминутке, шеф был злой, как дьявол. Сначала он дал нагоняй санитарке за то, что она спала ночью в коридоре на раскладушке, да еще и храпела. Потом отругал Марью Ивановну за то, что она слишком долго сдает сводки в приемный покой. И наконец добрался до меня.

– Так! – сказал он. – Ну а теперь о нашем юном донжуане! – Он вперился в меня своими зенками. – Я здесь не поз-

волю заводить шашни с больными! Сегодня Таня, завтра Маша, а послезавтра меня снимут с работы!

– А вы очень боитесь потерять пост заведующего? – зло спросил я.

Уж что-что, а дерзить всем этим взрослым я еще в младших классах умел.

– У нее больное сердце! Ей ночью спать надо! – взревел шеф.

– Да?! – заорал я на него. – А кроме того, что сердце у нее больное, вы еще что-нибудь знаете? Как вам вообще это удалось установить? По справочнику для фельдшеров, который валяется у вас на столе?

Я их всех ненавижу! И их, и эту их медицину!

– Во-он! – взбешенно сказал он. – Наглец! Не видать тебе зачета по практике как своих ушей!

Но я еще не все сказал.

– Да плевать мне на ваш зачет! – крикнул я. – Какого чёрта вы пичкаете ее таблетками, если даже не можете установить точного диагноза?!

– Выведите его! – приказал шеф.

Меня вывели.

– Хорошо, что она выбрасывает эти наши таблетки за окошко! А то бы давно отравилась! – крикнул я уже из коридора. – Коновалы проклятые!

Господи! Конечно, я понимал, что никто-никто – ни лечащий врач, ни шеф, ни профессор Петрушевский – ни в чем

не виноват. Но я все равно их ненавидел! Эта высокомерная уверенность и мудрая смиренность взрослых лиц была ненавистна мне еще с тех пор, как умерла моя мама... И все они смотрели тогда так же – уверенно и смиренно... Но об этом я вообще не хочу говорить. Всё! Всё!

В тот же день ко мне прибежал Боря.

– Ты с ума сошел! – зловеще произнес он с порога. – Ты что натворил?! Зачем ты с шефом поругался?

– Пусть не лезет не в свое дело! Тоже еще – общественный обвинитель нашелся!

– Он классный мужик! – сердито закричал на меня Боря. – И хороший врач! И в газете про него статья была! С фотографией! А ты кто? Ты кретин!

– Плевать!

– Тебя же вытурят, ты что, не понимаешь?

– Плевать! – повторил я.

– Саня, ёж-колобок! Ты сдвинулся? Ты же жизнь себе ломаешь!

– Плевать!

Боря подскочил ко мне, схватил за воротник.

– Кретин! – зло сказал он. – Приди в себя! Зачем тебе это надо? Она умрет через месяц!

Я ударил его и бил бы еще, но он был сильнее. Он оттолкнул меня и ушел.

– Идиот! – сказал он, уходя.

На этой же неделе я забрал документы из училища. Не надо, не надо мне этой медицины! Что я буду делать дальше, я не знал и не думал.

С Любочкой мы виделись каждый день. Когда было пасмурно и ее не отпускали на улицу, мы целовались на лестнице, часами простаивали на площадке у окна, глядя, как тусклая пыль оседает на деревья и делает их зеленые кроны мышино-серыми. А в теплые дни мы бродили по больничному саду. Мы разговаривали. О том, что я теперь буду делать, и что будет делать Любочка, и что мы будем делать, когда ее выпишут. Мы хохотали надо всеми этими – в белых халатах!

– Они думают, что я скоро умру, – сказала однажды Любочка.

– Они дураки! – засмеялся я. – Ничего не понимают!

– Да! Я не умру никогда! Знаешь, я так хорошо себя чувствую, Санька! Я даже по лестнице поднимаюсь – и ничего! Ни за что не умру! Глупые они! – Она засмеялась. – То есть умру... Но... когда-нибудь... Как все!

Глупость врачей развлекала нас, мы их презирали, и Любочка их не слушалась. Они, вероятно, и сами поняли, что дали маху, – Любочку не ругали, а меня, хоть я и наскандалил тогда на пятиминутке, всегда пропускали, и даже без халата.

Жизнь была прекрасна. Любочка сказала, что мне надо поступить в институт, чтобы меня не забрали в армию, по-

тому что ей без меня будет скучно. В какой институт? Мне было все равно. Я был уверен, что поступлю.

Тридцатого июня у Любочки был день рождения. Ей исполнилось семнадцать.

У нас на этот день был свой тайный план.

Вечером, через час после отбоя, когда наконец совсем стемнело, Люба спустилась на первый этаж, где на лестнице за лифтом было открыто окно.

Я помог ей выбраться, и вскоре мы были за воротами, на свободе. Самым коротким путем провел я ее от больницы до набережной Волги. Мы постояли немного у освещенного парапета и спустились на дикий пляж.

– Здесь нас никто не найдет, – сказал я.

– А нас и не будут искать! – засмеялась Любочка. – Я написала Марье Ивановне, что я с тобой. Так что до утра они ничего не будут предпринимать. А в шесть я вернусь.

Мы уселись на огромный теплый камень. Реки почти не было видно, просто какая-то живая, иногда вдруг всплескивающая темнота. Днем была жара, и теперь от воды веяло теплым парным духом.

– С днем рождения! – сказал я, обняв ее.

– С днем рождения, – повторила она и притихла.

Потом мы развели костер. Любочка стояла перед ним неподвижно, смотрела в огонь, и мне снова не верилось, что к ней можно прикоснуться...

В пять мы отправились назад.

– Санечка! Как же было хорошо! – Она вскочила на ступеньку набережной. – Я храбрый заяц, я никого не боюсь!

Я проводил ее до больничных ворот.

– Позвони после взбучки, – сказал я.

– Ага!

Дома я повалился на кровать и сразу уснул крепко и счастливо. Телефонный звонок вытянул меня из глубины на по-

верхность. Было утро, а может, день, солнце палило в не закрытые ставнями окна. Я вскочил, помчался к телефону.

– Саша, – услышал я тихий голос, – это Марья Ивановна...

Я испугался, стоял и молчал.

– Сашенька, Люба...

Я сразу все понял. Бросил трубку, выбежал из дома и направился к Любе в больницу, в палату, но понял, что ее там уже нет...

Я вспомнил себя через несколько часов: я возвращался откуда-то по мосту – видимо, все-таки ходил в больницу.

На мосту, у перил, стояли два парня. Лиц не помню, но один из них был в белой, расстегнутой на груди рубашке. Он держал в руках бутылку с вином и, истерически хохоча после каждого слова, твердил:

– Представляешь, Серега?! Дергаю за кольцо – ни фиги!.. Ищу запасное – нету! И падаю! Понимаешь, Серега? Падаю! А все наверху – у них-то парашюты раскрылись! А я падаю, Серега! Понимаешь?

Он жадно хлебнул из горлышка, сунул бутылку второму.

– Серега! Смерти нет! – крикнул он яростно и чуть не плача.

– Смерти нет, – согласился Серега, отпивая.

– Эй, братишка! – позвал парень в белой рубашке. – Выпей с нами!

Я взял бутылку.

– Представляешь, дергаю за кольцо...

– Парашют не раскрывался? – тоскливо спросил я.

– Смерти нет! – бешено закричал он. – Пей!

– Смерти нет... – повторил я и, кажется, только тогда заплакал.

В августе я подал заявление на восстановление в медучилище и вот снова хожу на лекции и зубрю, зубрю, зубрю в бешенстве все, что положено, о человеке и о том, в чем держится его душа...

Накось выкуси!

I

– Олег Иваныч! Перелом черепа привезли! – В дверь ординаторской просунулась мордочка Вали-санитарки.

– Иду, иду! – Олег Иванович поднялся из-за стола. – Вот видите, коллеги, восемь утра, а кому-то череп уже проломили. На то оно и травматологическое отделение. – Олег Иванович авансом называет нас, практикантов, коллегами.

Утренняя пятиминутка, на которой обсуждалось все, что приключилось в отделении травмы за сутки, закончилась. Медсестры, дежурившие ночью, поспешили в раздевалку – сменить «боевые» халаты на штатское платье – и скорее на отсып, домой, а дневная смена разбрелась по своим местам.

Мы выходим вслед за Олегом Ивановичем.

– Походите по палатам, посмотрите на больных. А сейчас извините: к переломанному черепу спешу, – договаривает он уже на повороте к смотровому кабинету. Нас, значит, брать с собой не хочет.

Я здесь первый день, а Борька, наоборот, заканчивает свою травматологическую практику.

– Подумаешь, – говорит он, – я тебе, Санёк, сам черепников этих покажу. Пошли на мужскую половину. Банально, конечно, но для первого раза тебе и этого хватит.

Мы вошли в первую от края – пятьдесят пятую. В этой небольшой, на четыре койки, палате оказалось трое больных, четвертого только что выписали. На первой койке лежал больной, укрытый до самой шеи тремя одеялами. Голова забинтована, вокруг закрытых глаз – багрово-синие круги кровоподтеков, «очки», один из признаков перелома черепа. Череп ломают у нас в городе, как я понял, часто, несколько палат стабильно занимали «очкарики», и ряды их активно пополнялись.

Больной трясся в страшном ознобе, так что все три одеяла на нем тряслись и подпрыгивали. Около него стоял «брат по несчастью», владелец второй койки, он подтыкал одеяло и бодряще покивал: «Ничо-о-о, согреешься! Меня ишшо не так потрясывало!» Голова его была также перевязана, но «очочки» поуменьшились и имели вокруг одного глаза желтовато-лимонный цвет, а вокруг второго – бледно-голубой.

Третий, белобрысый верзила, свободный от всяких повязок на голове, сидел, свесив ноги с кровати, и жевал курицу, вытаскивая куски из стеклянной банки.

– Боря! – разулыбался он, во всю работая челюстями. – Новенького медбрата привел! Вот, – он поднял вверх куриную ножку, – соотечественницу Мопассана поедаю. Французская курица. Могу угостить! Мне сегодня на выписку. Так что обедать уже дома буду!

– Завтрачек-то у вас, Леонид, так, легонький совсем, – ответил Борька, – интеллигентный вы человек!

– Ишшо завтракает, а уж про обед думает, чем брюхон набить! – проворчал сосед со второй койки. – Что за человек такой!

Мы с Борькой вышли в коридор.

– Да что ты мне говоришь, ёлы-палы! – доносился запальчивый молодой голос из следующей палаты.

– Знаю – вот и говорю. Я в этом цеху семнадцать лет работаю, – спокойно отвечал ему второй.

– Ну что, Боря, заходим в пятьдесят шестую?

– Нет, не могу больше видеть, как соотечественниц Мопассана поедают, – поморщился Борька.

Мимо пронеслась операционная сестра. Из перевязочной гуськом выбежали сестры, и только Олег Иванович, завершивший этот исход, шел быстро, строго и сосредоточенно. На нас он даже не взглянул. К медсестринскому столику подбежала палатная сестра Тамара Сергеевна.

– Что это сестры сами не свои бегают? – спросил Борька, присаживаясь на стул. – Комиссия, что ли, какая?

– Да уж лучше бы комиссия, – расстроено покачала головой Тамара Сергеевна. Она бросила на стол новую историю болезни. – Девушку с завода привезли. В станок затынуло. – Тамара Сергеевна понизила голос. – Всю изуродовало: и позвоночник, и таз, и ноги, и руки, – всю переломало. Да еще скальпированная рана черепа.

– Умерла? – спросил я машинально, читая историю болезни: «Крылова Александра Александровна. 19 лет...»

– Жива пока, но в сознание, видимо, не придет. – Тамара с досадой вздохнула. – На свадьбу к подружке вечером ехать собралась. Накрутила бигуди. Вот бигуди-то ее и затынули. Волосы густые, длинные – до пят, наверное, были.

Александра... Старше нас на два года. Но впечатление такое, будто мы из разных эпох. Она переехала в наш солнечный город с Севера, второй год работала на заводе, среди взрослых серьезных людей, была одной из лучших в профессии (в карте было отмечено: «передовик производства»). А я... а мы с Борисом просто поступившие в медучилище школьники, сидим посреди девичьего царства: в группе двадцать пять человек, а нас, пацанов, всего двое. И ничего не меняется, кроме названия предметов: анатомия, терапия, фармакология, латынь...

– В предоперационной были? – спросил Боря медсестру.

– Была. Готовятся. Скальп пришивать будут. Да только без

пользы все это. Давление не определяется, пульс не прощупывается, дышит едва-едва.

– А кто оперировать будет?

– Олег Иванович. Петр Федорович ассистентом.

Я направился к операционному блоку.

– Куда ты, Саня?

– Олег Иванович обещал взять нас на самую интересную операцию.

– Я пас. Не хочу на скальп смотреть. Мне это не пригодится.

– Да пошли, откуда ты знаешь, что тебе пригодится!

Я направился к Олегу Ивановичу, Борька последовал за мной. Но мы получили отказ. Мягкий, но в твердой форме.

– Нет, ребята, – ласково сказал Олег Иванович, – слишком уж тяжелый случай. Чем меньше народу, тем лучше. А вы наблюдайте в предоперационной. Тоже любопытно.

Больная была уже в операционной, так что нам не удалось на нее взглянуть. В предоперационной шла быстрая подготовка к операции.

– Лена, скальп побрили? – спросил Олег Иванович, быстро обрабатывая руки спиртом.

– Да, – ответила молоденькая, только что после института хирургиня Елена Густавовна, преданно глядя на своего обожаемого шефа.

– Хорошенько помойте! С мылом, щеткой – как следует! Потом обработайте.

Я обалдело смотрел на хирургиню, которая держала в руке что-то странное, совершенно непохожее на человеческую кожу, и мыльной щеткой мыла его под краном.

Вскоре хирург и вся операционная бригада, облаченная в специальные халаты, колпаки, бахилы и маски, переместились в операционную. А мы с Борькой помаячили около банок с растворами для шовных материалов и вернулись в отделение.

– Слушай, Саня, я пойду. Характеристику мне Олег Иванович дал. Последний день – можно и пораньше, – сказал Борька устало.

– Оставайся, Борь, после операции ее посмотрим, – стал упрашивать я друга. – Интересно же!

– Я уже посмотрелся, – отмахнулся Борис.

– Ну тогда...

– Вечером на баскетболе увидимся.

Борька ушел, а я попросил у Тамары аппарат для измерения давления и пошел в семьдесят первую палату к старушкам. Раз уж не удалось попасть в операционную, я надеялся после операции увидеть затянутую в станок, можно сказать, самой смертью девушку, которая вздумала со смертью тягаться. Сколько времени будет идти операция – кто знает, но слоняться по коридору не хотелось (этого Олег Иванович не прощал практикантам). Перемерив давление всей палате (девять бабулек с переломом шейки бедра теперь никогда не забудут мою доброту), я перекочевал к «вертолетчикам».

Так называли тех, кто лежал с закрытыми переломами конечностей. «Вертолетчикам» делали скелетное вытяжение, и они должны были неподвижно лежать на приподнятых кроватях с задранными ногами. В этой палате лежал один мой знакомый, который жил прямо на нашей улице, дядя Саша Прытков. Я уже заходил к нему сегодня.

Увидев меня в дверях, Прытков, единственный в этой палате ходячий больной, зашумел:

– Тезка, а я уж тебя искать собрался!

– Чего это?

– Слушай, – зашептал Прытков, – мы тут денежек собрали, кто сколько смог. Сбегай в третий магазин, купи сметанки. Вот... банка есть. Будь другом! Мы ведь люди здоровые, у нас организм в порядке, печень там, сердце-почки. Скучно лежать!

– Да что ты меня так упрашиваешь! Как будто в первый раз!

Я действительно уже не раз выполнял просьбы мужиков – бегал в третий продуктовый купить сигарет, печенья, другого чего.

Двадцать шестой магазин находился совсем недалеко. Я купил полную банку сметаны, получил сдачу и вернулся.

– Ну что, купил? – встретил меня у порога Прытков.

Вся палата уставилась на меня с таким ожиданием, словно я должен был им не сметаны принести, а живой воды, чтобы они сразу все повскакали со своих «вертолетов» и домой

побежали с целехонькими конечностями.

Я вытащил из болоньевой сумки сметану и протянул дяде Саше.

– Вот, дядя Саш. На шестьдесят копеек. Ты многовато денег дал...

Прытков долго глядел на меня и наконец осипшим голосом прошипел:

– Ну ты даешь, тезка! Ждали обозу, а дождались навозу.

– Что? Плохая? – спросил я, не понимая, в чем дело.

Я не расслышал ответа. А может, его и не было вовсе. Вме-

сто него раздался оглушительный хохот пятерых мужиков. Палата прямо сотрясалась от смеха, а я ничего не мог понять. С сестринского поста на шум прибежала сестра с возмущенным лицом, но, увидев Прыткова с банкой сметаны, тоже рассмеялась.

– Ну что, получили сметанки? Так вам и надо!

Мне надоело это всеобщее веселье, и я вышел в коридор. Серdito побродив туда-сюда, я зашел в процедурную к Анне Акимовне.

– Ну что, купил мужикам сметанки? – рассмеялась она.

– Купил, только не понимаю, почему это так всех разве-селило?

– Да потому что у них *своя сметанка*. – Анна Акимовна щелкнула себя по горлу. – Разливной портвейн – вот какая у них сметанка!

Тут меня прямо в жар кинуло. Влип, как мальчишка! Приволок мужикам банку сметаны!

Я взглянул на часы. Домой, что ли, уйти? Часа через два все отделение будет знать про сметанку.

– Практикант наш здесь? – На пороге появился Олег Иванович. Он устало махнул мне: – Идем за мной!

Я вышел в коридор. Олег Иванович обнял меня за плечи.

– Надо подежурить около больной, которую мы прооперировали. Это, конечно, скучно, не то что скальп пришивать. Но больше некому. Сестры все в запарке: куча перевязок и новых больных принимать надо.

Мы вошли в постоперационную.

– Если появятся хоть какие-то признаки жизни, – он кивнул в сторону стола, где под простыней лежала прооперированная девушка, – зови. Тамара сменит тебя, как на посту управится.

Олег Иванович вышел, а я подошел к столу. Голова девушки по самые глаза была забинтована ровными плотными слоями бинта. Кажется, такой тип повязки называется «чепчиком».

Лицо неподвижное, бескровное, с синевой, черные веки прикрывали глаза. Никаких чувств не выражало это лицо: ни страдания от боли, ни страха смерти, вообще ничего. Я дотронулся до руки, тяжелой и холодной, и попробовал нащупать пульс, но ничего не услышал. Живо ли это тело, накрытое простыней с огромной больничной печатью «2-я городская больница», приходящейся прямо на область сердца? И что в нем, этом равнодушном полуостывшем теле, делает душа?

Я уселся на подоконник и сначала неотрывно смотрел на окаменелое лицо, которое оживляла лишь белизна повязки, на руки, не чувствующие иглы в вене, на ноги, ничем не укрытые и не чувствующие холода. Но постепенно отвлекся и стал думать о разной чепухе. Было время тихого часа, лишь изредка из коридора доносилось тихое шарканье ног – проходил кто-нибудь из сестер.

И вдруг я увидел, как правая рука Александры сделала

резкое движение, затем так же резко дернулось туловище, и девушка словно бы попыталась приподняться. Теплый, розоватый цвет окрасил щеки, и все лицо посветлело, но тут же прежняя неподвижность вернулась к ней, и лицо вновь приняло синеватый оттенок. Именно в вене правой руки находилась игла от капельницы. Я спрыгнул с подоконника, испугавшись, не вышла ли игла из вены. Но она была накрепко зафиксирована несколькими полосками липкого пластыря, так что все обошлось.

Я выглянул в коридор и замахал Тамаре Сергеевне, которая как раз с ящиком для раздачи лекарств подходила к посту.

– Что? – прошептала она, подбегая.

Я рассказал.

– Хорошо. На посту я уже почти управилась. Ты позови Олега Иваныча и иди домой.

– А что дальше? – Я кивнул на стол.

– Переведем в палату, а там видно будет. Одно скажу: крепышок она!

– Чудо просто! Ведь никаких признаков жизни!.. Я думал, вот-вот конец...

– Могло и так быть. Но наш Олег Иванович действительно чудесник. Повезло ей.

– Ну, до свидания.

– До понедельника. Я в понедельник как раз в первую, так что увидимся. Спасибо тебе, Саня!

«Вот дело настоящее! – думал я, сбегая по ступенькам в подвал, где была раздевалка, и сбрасывая на ходу медицинский халат. – Быть хирургом, так вот сплеча дарить обреченному уйти на тот свет жизнь! Это вам не терапевтическая байда: „Выпейте горсть таблеток, а если не станет лучше, назначим горсть других!“»

Только сейчас я почувствовал, как давно начался этот день. Как тяжел больничный мир! Даже не верилось, что есть другой, что я сейчас выберусь на улицу, сяду в автобус, перееду мост, соединяющий новый, усеянный пятиэтажками город со старым, купеческим, проеду старинную его часть и окажусь дома, на самой окраине нашего города.

Напротив нашей улицы с разноцветными – зелеными, синими, бордовыми – домами поле; оно обрывается там, где начинаются глубоченные овраги, которые я излазил все до одного. Заканчивается улица (а наш дом четвертый от конца) тоже матерым оврагом. Весной дно его становится озером с заливным лугом, на который пастух Паша выгоняет стадо коров. Вдалеке, за густыми посадками смородины, виднеется аэродромное поле. Здесь воля, здесь мой дом.

II

Первой, кого я увидел в понедельник в отделении травмы, была Анна Акимовна, к которой я заглянул в процедурную.
– Ну, как новенькая? – нетерпеливо спросил я, едва по-

здоровавшись.

– Это какая новенькая?

– Ну... эта, со скальпированной раной... Александра Крылова!

– А-а, Сашура! Ничего себе новенькая! У нас после нее уже человек двадцать новеньких поступило!

– Сашура?

– Так ее родня называет. И Саша, и Шура сразу. Самая шустрая, говорят, всегда была. Так и прозвали.

– Ну как она?

– Молодец! Все терпит. Несладко ей сейчас, конечно...

Анна Акимовна бросила промытый шприц и иглу в стерилизатор.

– Я ей капельницу как раз поставила. Последишь? А то мне бегать туда-сюда, работы полно, уколов назначена уйма, одних внутривенных шестнадцать штук!

– Конечно, послежу!

Вообще-то сидеть возле больного и ждать, когда по капельке из бутылки выйдет весь раствор, было муторно, но мне не терпелось посмотреть на Александру.

– Какая палата?

– Семьдесят седьмая, последняя. Она там одна.

И я отправился. Постучав в дверь палаты и не дождавшись ответа, открыл дверь, вошел.

У левой стены стояла большая функциональная кровать с хорошо приподнятым головным концом. На ней лежала

девушка с перевязанной головой. Я остановился у порога. Смуглое лицо ее с черными цыганскими глазами имело вид ужасно страдальческий. Она сжимала белые, бескровные губы и мучительно пыталась найти подходящее положение для своего тела.

Я поздоровался, ответ ее был больше похож на стон, но глаза и губы на секунду улыбнулись. Я вспомнил, как сидел около нее в пятницу. Знакомым на этом оживленном болью лице оставалась только повязка до самых глаз. Прямо воскресение из мертвых! Было здорово думать, что я вроде тоже был в бригаде Олега Ивановича, помогал, бегал по отделению с поручениями, приносил, подавал и потом дежурил около нее.

– Я в пятницу дежурил около тебя, – сказал я и присел рядом на стул.

– Что-то не помню. – Она медленно, с усилием выговорила каждое слово, словно одолевая его, и закрыла глаза.

Я решил больше не беспокоить ее и уставился на капельницу.

Дождавшись, когда раствор почти кончился, пошел к Анне Акимовне, взял тампон, смоченный спиртом, вернулся, сам вынул иглу из вены и отнес капельницу в процедурную.

С тех пор почти каждое утро я сидел по полтора-два часа около нее, следил за переливанием раствора, глюкозы или крови, смотря что назначал Олег Иванович. Он сам «вел» Крылову, как и все сложные случаи. На четвертый день, ко-

гда я помогал санитарке разместить нового больного с переломом голени, Сашуру повезли на первую перевязку скальпированной раны. На перевязку я не попал, но позже прочитал в истории болезни, что пришитый скальп приобрел цианотичный оттенок, холодный, и что отделяемого из ран нет.

Я довольно скоро сумел убедить Олега Ивановича, что мне очень надо видеть, как он оперирует, и присутствовал теперь на операциях и перевязках довольно часто; а еще выпросил разрешение присутствовать при пересадках кожи ожоговому больному Кудимову.

У Кудимова семьдесят процентов ожога, обугленный труп просто, но вытащил его Олег Иванович с того света, вытянул. Кудимов в машине ЗИЛ-55 горел, на нем нейлоновая рубашка расплавилась.

Когда его привезли к нам в травму, дежурил Валентин Григорьевич, и стал он по кусочку этот нейлон вместе с кожей срезать. Но тут подоспел Олег Иванович да как заорет: «Дура! Зачем?» И главное, почему-то «дура», а не «дурак». Приказал не трогать рубаху: пусть кожа вместе с нейлоном отомрет – так заживать легче будет.

Валентин Григорьевич на «дуру» обиделся, но Олег Иванович оказался прав. Заживление ожоговых ран в этом нейлоновом футляре лучше шло. Правда, на теле у Кудимова новая кожа в виде рубахи выросла, даже пуговицы отпечатались, и складки, и швы. И не снять ему теперь вовеки эту рубаху... Но ведь это ерунда по сравнению с тем, что его ожи-

дало с таким процентом ожога – кроме белых тапочек, ему уже ничего не светило.

Во время операций, на пересадках кожи и больших перевязках Олег Иванович всегда был в прекрасном расположении духа, шутил, разговаривал с больным или петь начинал, и я сам, не замечая как, тоже делался веселым и подхватывал его шутки.

– Знаешь ли ты, Кудимов, – задумчиво разглядывая освобожденные от бинтов ожоги на теле, серьезно говорит Олег Иванович, – что меня жениться на тебе заставляют?

– Это как? – улыбаясь непослушными губами, выговаривает Кудимов и на секунду забывает о боли.

– Да так. Когда тебя привезли с дороги, я ж всю ночь с тобой провожжахался. Утром прихожу, а жена говорит: «Где был? У тебя дежурство в восемь кончилось!»

– Я ей: так и так, говорю, с Кудимовым провожжахался.

– А она мне: «Вот на Кудимове и женись!» Я к ней и тем, и этим боком. А она все одно требует: «С кем вожжахался всю ночь, на том и женись». И в любовь мою не верит.

– Дак у меня жена есть, – словно сокрушаясь такой неудаче, растерянно отвечает Кудимов.

– Развестись придется, – участливо советует операционная сестра Ольга.

А тем временем пересадка небольшого участка кожи подходит к концу.

– На сегодня всё, – вытирая пот, говорит Олег Иванович. –

Следующего везите.

Крупные ритмичные капли бодро прыгали из перевернутой бутылки в капельницу и, становясь тоненьким потоком, лились по системе стеклянных трубочек через иглу в кровь. Не так-то легко пролежать два часа с неподвижной рукой, особенно когда у тебя вторая в гипсе по самую шею, а все тело болит адской болью, но на мои жалостливые вопросы Сашура только улыбалась.

– Что ты, Саня! Раз болит, значит, живое. Как подумаю, что могла умереть, как вспомню про пятницу, которую не помню! – Сашура улыбалась по-цыгански, блестя глазами и невероятно белозубой на смуглом лице улыбкой. – Пускай болит!

Но тут же все лицо ее опять искажала гримаса боли.

Пока кровь разбавлялась очередным чудодейственным раствором, я сидел около Александры на самом краешке кровати и без умолку болтал. Пересказывал фильмы, книги, смешные истории, анекдоты. Сашура смеялась и сразу же морщилась от боли.

– Катится нолик по пустыне, – начинал я торжественно. – А навстречу ему другой нолик...

– Ой, перестань, – морщилась сквозь улыбку Сашура, – мне смеяться больно!

Она преодолевала свое почти неподвижное заточение в кровати с незаметным, смиренным терпением. И вот пер-

вая радость – правильно срасталась переломанная в нескольких местах рука. Перелома позвоночника не оказалось – был сильный ушиб, и Сашура уже могла, облокотившись на подушки, понемногу сидеть.

Но пришитый скальп приживаться не думал. Через неделю пошел такой некроз тканей! А через три недели кожа головы полностью омертвела. Олег Иванович постепенно удалял дряблые, безжизненные лоскутки кожи.

Я всякий раз присутствовал на перевязках.

– Смотри, студент, – указал мне Олег Иванович, удаляя очередной небольшой некротический участок, – появляется грануляция. Это хорошо или плохо?

Я вспомнил, что грануляция – это вроде как появление новой, временной ткани, перед тем как начнется рубцевание и нарастание свежей кожи.

– Хорошо.

– Вот и я думаю, что хорошо. Будем начинать пересадку.

Сашура переносила эту процедуру молча, позволяла себе только морщиться. Но вот ноги оставались такими же бесчувственными, как и месяц назад.

– Месяц не срок, – говорила Зинаида Тимофеевна, врач ЛФК, осматривая Сашуру во время врачебного обхода.

Большущего роста, полная энергии, двумя мощными шагами она оказывалась около кровати, каждый раз выкрикивая: «Лечебная физкультура пришла!»

– Ноги постепенно отойдут, – басила она. – Но пора начи-

нать разработку.

– Я подожду, – улыбалась Сашура, посверкивая глазами. – Я же всего месяц как родилась, а ходить через год начинают.

Однажды я, как всегда, сидел в семьдесят седьмой палате, на стуле между тумбочкой и кроватью, и листал альбом с фотографиями, который Сашуре принес кто-то из родных, то ли мама, то ли старшая сестра. Они приходили каждый день, а первые дни оставались около нее по очереди даже ночью.

Почти все фотографии были любительские, неожиданные и потому смешные.

– Эх, Шурик, сейчас бы в баскетбол поиграть! – сказала вдруг Сашура и засмеялась. – Мы с тобой всё Шурик да Сашурик! В баскетбол... – продолжала она так, словно по пирожному облизывалась. – Я бы, наверное, до самого кольца допрыгнула... Или на лыжах побегать... сразу на десятку! – Веселое нетерпение блеснуло в ее глазах.

– Десять километров ни за что не пройду, – отозвался я. – Ты самый шустрый Сашурик на свете!

– Десять! – горячилась Сашура. – Я бы и тридцать прошла и ни разу не остановилась. По снегу, по лесу, мимо елок...

– А вокруг волки с зайцами беседуют, – с ехидцей продолжил я.

– Уж и помечтать не дашь! – Сашура засмеялась.

– А это кто? – ткнул я в едва заметную фигуру юноши

на фотографии. Он стоял на лыжах, в шапочке и лыжном костюме, на вершине огромного белого склона и, опираясь на палки, глядел вниз.

– Это Костя! Ты что, не узнал?

– Не узнал. Богатым будет твой Костя! – пошутил я.

Костю, «кавалера», «мальчика», «любовь» Сашуры – так по-разному называли его наши медсестры, – я видел лишь изредка. Он приходил, как правило, вечером, часов в шесть, и сидел около нее на краешке кровати. Он был на четыре го-

да старше Сашуры, работал на том же заводе и учился в вечернем техникуме. Мне казалось, что о Косте я знаю столько же, сколько об Александре, если не больше. Потому что каждый свой рассказ о прежней, добольничной жизни она начинала словами: «Однажды мы с Костей...» И дальше почти все было про Костю.

Как только сильные боли перестали мучить Сашуру, улыбка почти не сходила с ее губ. «Веселая, как вешний жавороночек!» – говорила баба Аня, раздатчица в столовой, когда мы с Тamarой, убежавшись по отделению, садились наконец обедать. Баба Аня сама приносила Сашуре в палату еду и обязательно добавляла от себя что-нибудь принесенное из дома. Сашура говорила: «Ох, баба Аня, не раздатчица ты, а раздаватчица! Всё раздаешь! Себе небось не оставила». «Ешь, наращивай массу, – шутила баба Аня, – а то с кровати улетишь, невесомая!»

Когда приходила Анна Акимовна, чтобы сделать Сашуре три, а то и четыре укола сразу, она задорно извинялась: «Анна Акимовна, уж простите, что мое мягкое место такое твердое!» Она смешила массажистку, строя забавные рожицы, пока та с силой разминала замершие после ушиба мышцы спины или сгибала и разгибала локтевой сустав, плохо гнувшийся после перелома.

Иногда смех ее долетал утром к нам на пятиминутку, в кабинет Олега Ивановича, который находился рядом с семьдесят седьмой палатой, и разгоряченные споры на минуту

затихали.

– И что заливается? – пожимал плечами Олег Иванович. – Ну и колокольчик эта ваша Крылова!

И все улыбались.

Шла последняя неделя моей практики в травматологии. Я твердо решил после окончания медучилища поступить в мединститут. Я хотел быть хирургом.

Как раз в эту последнюю неделю Александра вдруг очень переменялась.

– А-а, братик!.. – улыбалась она, когда я прямо с пятиминутки забегал к ней.

Но это был не тот веселый и восторженный голос, который встречал меня раньше. И улыбка была – одними губами.

Во вторник Валентина Васильевна, палатная сестра, попросила меня в обед раздать лекарства. Я взял ящичек и пошел по палатам. Подойдя к последней, семьдесят седьмой, нашел в тетради назначений фамилию Сашуры. Ей в обед полагалась только одна таблетка – кальция глюконата. Я зашел в палату. Сашура лежала отвернувшись к стене, укрытая с головой одеялом. Я положил на тумбочку таблетку и тихо вышел. Но, отдав ящичек и тетрадь назначений Валентине Васильевне, вернулся в семьдесят седьмую.

– Сашурик, с тобой ничего не случилось? – спросил я, стоя посреди палаты.

Она лежала все в том же положении.

– Нет, – ответила Александра.

Но потом все же сбросила с головы одеяло и повернулась ко мне.

– Какая-то ты не такая в последние дни.

– Я думаю, Шурик, – с горечью произнесла Александра, – для чего все это мне выпало? Мúка такая! Если б людей спасла, подвиг совершила – тогда другое дело. А то так... нелепость одна.

– Выжить после такой травмы – тоже подвиг. – Я собрал мусор с тумбочки. – У тебя убирали сегодня?

– Убирали. Это я снова насорила, – улыбнулась Сашура.

– Ты, Сашурик, удивительная! Ты такой сильный человек! Если честно, я тебе иногда завидую, – признался я.

– Кому и позавидовать, как не мне! – со слезами в голосе прошептала она.

– Нет, понимаешь?.. Ты никогда не раскисаешь, всегда веселая. А я от каждой маленькой неприятности прихожу в такое дикое уныние, а то и отчаяние – хоть в петлю!

Мне показалось, что последних моих слов Александра даже не слышала. Она сидела на кровати и с какой-то отчаянной задумчивостью глядела перед собой.

– Саня, я хочу тебя попросить, – прошептала Сашура, откашлялась и заговорила громко: – Понимаешь, Костя последний раз у меня был четыре дня назад. Он приходил каждый день – и вдруг... Может, он заболел? Ты не мог бы сходить к нему?

Я вспомнил, что действительно видел Костю в последний

раз на прошлой неделе. Вошел, чтобы сделать Сашуре подкожный вечерний укольчик (это мне давно доверяли). Он держал руку Александры. Она что-то говорила ему, и лицо у нее было спокойное, ясное. У Кости же, наоборот, вид был и смущенный, и возмущенный одновременно.

– Могу, конечно, к нему сходить.

– Я не хочу никого просить из наших знакомых.

– Я найду, сегодня же найду к нему, – торопливо пообещал я.

– Запиши адрес.

– Я запомню, говори.

– Некрасова, семь, квартира пятнадцать. Это за Октябрьской первая улица.

– Да знаю я, где Некрасова!

– Шурик, ты иди. Мне сейчас на пересадку. Надо с духом собраться.

Вечером я отправился к Косте. Доехал на автобусе до Октябрьской улицы, а затем дворами прошел на Некрасова.

– Здравствуй, Костя. Поговорить надо, – сказал я кудрявой голове, высунувшейся из двери на мой стук.

Не сказать, что он очень обрадовался мне. Это видно было по его растеряннo-хмурой физиономии.

Мы прошли на кухню, уселись с разных концов кухонного стола, и я начал:

– Александра решила, что ты заболел.

– Здоров. Что со мной делается?.. – вздохнул Костя.

– А что тогда не приходишь?

– Пока у нее было критическое состояние, – раздраженно сказал Костя, – я ходил. Каждый день ходил. А теперь пусть отвыкает.

– От чего отвыкает?

– От меня. От того, что у нее есть я.

– А надо отвыкать?

– Надо, – угрюмо подтвердил Костя.

– Вопросов больше нет, – сказал я, поднимаясь.

– Нет, ты сядь, – остановил меня Костя. – Ты не думай, я ведь не предатель по натуре. Не подлец какой-нибудь. Но понимаешь... Такое ощущение, будто не она это. Ты не видел ее раньше. Ты знаешь, какие у нее были волосы? Поток! Мы все время куда-то шли, ехали...

– Что же, по-твоему... – начал я.

– Да нет! – с досадой перебил меня Костя. – Я знаю, что ты хочешь сказать! Но у нее и голос стал совершенно другой. И говорит она о другом. И думает. Я любил Сашуру. Но я не люблю эту девушку, теперешнюю. Это совсем другой человек! Да и я изменился. Всё изменилось после этой черной пятницы.

Костя нервно помолчал и возмущенно воскликнул:

– Она стала похожа на цыганку! Ну что я сделаю?! Не нравится она мне больше.

– Интересно, на кого же она могла еще походить? – изумился я.

– На царицу Тамару. – Костя усмехнулся. – Чувствуешь разницу?

Я соскочил со стула.

– Слышь, ты, царь грузинский! У нас скоро в психдиспансере будет практика. Приходи! В их коллекции великих личностей грузинского царя точно еще не было.

– Да ты мужик или кто? Ну не могу я, не хочу!..

– Просто ты предатель по натуре! И подлец! – сказал я, толкнув кухонную дверь ногой.

– Ну ты, кишка больничная! – заорал Костя, наступая на меня. – Канай отсюда!

– Предатель и подлец! – крикнул я, спускаясь по лестнице.

Но ответа не последовало.

Я медленно шел на остановку. И что я скажу ей завтра?

III

Утром, после пятиминутки, я целых полчаса провертелся в коридоре около семьдесят седьмой палаты и едва заставил себя зайти к Александре.

– Здорово, Крылова! – бодро пробренчал я. – Можно, я у тебя дневник заполню? Практика кончается, а у меня ни одной записи!

– Ты был у Кости? – спросила она.

– Был, был! – торопливо пролепетал я.

– И что?

– Он здоров. Передает привет. Представляешь, – засмеялся я, – сейчас видел историю новенького, поступившего ночью! Парень, шестнадцать лет... Огнестрельное ранение в правую ягодицу. Чем только люди ночью занимаются!

Я взглянул на нее и перепугался. Вместо смуглого лица ее стало мертвенно-желтого цвета.

– Ты иди... – сказала Сашура.

Я тенью выскользнул за дверь.

Несколько раз до обеда я заглядывал к ней.

Но она все лежала лицом к стене.

Во время тихого часа я все же зашел к ней. Сашура сидела на кровати и сосредоточенно смотрела в альбом с фотографиями.

– Домой ухожу, – сказал я, останавливаясь посреди палаты.

– До завтра, Шурик! – Александра взглянула на меня и улыбнулась.

Теперь она была почти такой же, как всегда. Только выражение решительной сосредоточенности во взгляде и во всей позе почему-то настораживало меня.

– Побаиваюсь тебя одну оставлять, – тихо сказал я.

– Почему?

– У тебя весь день такое лицо... словно ты решилась на что-то, на что-то...

Сашура отбросила альбом на тумбочку.

– Ты думаешь, что я из-за Кости что-нибудь сделаю с со-

бой? – Она озорно улыбнулась и, показав кукиш, сказала: – Накось выкуси! Нет, Саня! Я ведь уже побывала там, где темнота и больше ничего.

– Я думаю, что он еще вернется.

– Единожды предав... Слышал такое?

– Единожды солгав, – поправил я.

– Одно и то же! Кто один раз отрекся, отречется снова.

Сегодня мне еще тяжело, а завтра я буду смеяться, как всегда. Даже еще веселей! Ведь я еще раз победила смерть. –

Она смахнула слезы и сказала: – Это последние.

– Конечно, последние! – обрадованно подтвердил я.

– А тебе спасибо, Шурик! Ты мне так помог! Жаль, что твоя практика кончается. Вот скукотища без тебя будет!

– Скукотища! Ну, во-первых, я к тебе все равно забегать буду, но самое главное: в травматологию после меня идет практиковаться Промокашка!

– Кто-кто?

– Нелька Промокашкина. Это такой человек! Описанию не поддается. Сама увидишь.

Сашура засмеялась.

– Ну ладно! Промокашка так Промокашка. Давай с тобой на брудершафт выпьем! По двадцать капель валерьянки!

Она подбросила флакончик с валерьянкой и серьезно сказала:

– Один день – и все линии жизни, – она указала на разжатую ладошку, – сместились, все изменилось. Главное, я сама

изменилась, душа моя стала совершенно другой. Костя меня, новую, совсем не понимал. – Она на секунду сникла. – Если вдуматься, что было там, в той прежней жизни? Я чуть не вышла замуж за человека, который предал бы меня потом. Саня, я точно теперь знаю, что хочу делать, – хочу стать врачом! Настоящим! Я выучусь, даже не сомневайся!

– А валерьянку-то так и не накапала, коллега, – кивнул я на флакончик, который она все сжимала в руке.

– Валерр-янку, – пробурчала Сашура, один в один копируя голос элфэкашки Зинаиды Тимофеевны.

Никто не знал, почему Зинаида Тимофеевна так уморительно звала валерьянку – «валерр-янка». Мы расхохотались. Сашура накапала нам в мензурки по двадцать капель и празднично произнесла:

– Быть добру!

И мы выпили.

Игла хорошего поведения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.